

Памяти Дмитрия Бычкова

1

На перевале буря бьет. В провалы
Сползает снег обвалом с темных скал.
Кто сосчитает путников бывалых.
Чьи кости стер в провалах перевал!
Столетний лед. Ни тропки, ни дороги.
Короткая дорога — далека,
Так далека, что показалась многим
В последний миг длиннее, чем века.
Над ними ветер захлебнулся воем
И над провалом пропасти утих.
Глубокий снег им вечным стал покоем,
И поседели матери у них.
В ауле у подножья перевала,
Спасенья ожидая от врача,
В смертельных муках женщина рожала,
В постели жесткой плача и крича.
Крик о спасенье, смятый бури гулом,
Под снежными обвалами пропал.
Как вечность, меж больницей и аулом
Поднялся неприступный перевал.
Свистит буран, и снегом бьет над бездной,
И грохотом отбрасывает крик.
И не пробраться по тропе объездной.
Есть только путь сквозь бурю, напрямик.
Но конь от бури повернет обратно,
Не пролетит сквозь бурю вертолет.
Там гул лавин повторен многократно.
Там снег клубится, превращаясь в лед.
Там голый камень с острым снегом смешан.
Там с ветром перемешан снегопад.
Туда добраться может только пеший.
Вслепую пробираясь, наугад.

2

И там, в ауле, на границе смерти,
Два сердца догорают, как свеча.
«Он человек, и он дойдет, поверьте», —
И молча дожидаются врача.
Там ждут врача, и там глядят с надеждой
В седой туман, нависший над горой.
Кто проскользнет под буркой бури снежной.

Через разгул метели гулевой?
Там ждут врача. И провод телефона
Дрожмя дрожит, натягиваясь весь,
Трещоткой оглушительного звона
Подчеркивая горестную весть.
Там ждут врача. На телефон с укором
Глядят, как на ненужный реквизит.
А снег валит и ледяные горы
На каменные горы громоздит.
А снег валит, клубится у порога,
И каждая секунда дорога.
И на аул спускается тревога
Тяжелая, как горные снега.

3

И вот Азрет собирается в дорогу.
Душа его тревогою горит.
— Не будь мальчишкой, подожди немного,—
Азрету старший фельдшер говорит.—
Метет буран. Хоть вылезти из кожи,
Не одолеешь ночью высоты,
И никому помочь уже не сможешь.
Когда погибнешь под обвалом ты.
— О нет, Омар, я все ж пойду!
Иначе Как посмотрю я завтра на рассвет?
Я горец по рождению, и, значит,
Мне в малодушье оправданья нет.
Ведь мой отец на Ленинградском фронте
О том не думал в свой последний час,
Что упадет в бою однажды в землю мертвым,
А выполнял своей земли приказ.
И я пойду! Иначе я гордиться
Не вправе буду именем отца.
Героя сыну трусить не годится.
Уж лучше в пропасть — честно, до конца.
Пуškai уж лучше ледяные камни —
Не тяжесть страха — давят сердце мне.
Судьбой своей я вечно буду равным
С отцом своим на милой стороне.

4

— Иди, Азрет! — сказала мать Азрету.—
Будь как отец. — А на своем веку
Мать сто мостов прошла по белу свету,
Решимости не обронив в реку.
Она могла увидеть сына мертвым.
Но трусом видеть сына не могла.
О женщины, вы в нас вселяли твердость,
В наш трудный век она не подвела.
И мать Азрета в этот вьюжный вечер
Накинула чернее ночи шаль,
И вместе с шалью ей легла на плечи
Тяжелым камнем новая печаль.
— Иди, Азрет! — Но смутную тревогу
Не выдало спокойное лицо.
И сын ушел в последнюю дорогу,
И буря снегом замела крыльцо.
— Иди, Азрет! — И сын ушел из дома,
Как уходил отец в последний раз.
А мать смотрела на очаг знакомый,
В тревоге смутной не смыкая глаз.

5

О матери и жены, — видно, чище
Нет наших душ, что вырастили вы.
Что наша жизнь без мужества? Кладбище.
Сад без плодов. Деревья без листвы.
За нами сыновья идут по следу
Сквозь бурю века, не жалея сил.
Без гибели храбрейших нет победы,
Нет жизни без заснеженных могил.
Простите нас за то, что в стынь и слякоть,
Встречая смерть от пули и клинка.
Мы вас в тревоге заставляем плакать.
А жизнь идет. Дорога далека.
Валится снег. Густой туман клубится.
Заводит ледяную карусель.
Ущелье воет раненой волчицей.
Ломают крылья белая метель.
Свистит метель над снежным перевалом.
Сплошная тьма — ни тропок, ни дорог,
О, сколько, буря, путников бывалых
Над пропастью ты сваливала с ног!
Азрет идет. Бураном лед обколот,
И рваные осклизли острия.
Попеременно то огонь, то холод

По телу пробегают, как струя.
Идет Азрет, как ходят в штыковую,
По осыпи сползающей, на склон.
А буря бьет в упор, напропалую,
Орудиями с четырех сторон.
Язык обвала слизывает тропы,
И режет снегом ветер боковой.
Уступы неприступны, как окопы.
Здесь, может быть, трудней, чем в штыковой.
Здесь каждый шаг — как под смертельным дулом.
Как под прицелом темной пустоты.
Обвалом снежным камни повернуло,
Они ползут, как танки, с высоты.
Идет Азрет. Ползет. Как ледорубом,
Цепляется руками за скалу.
В отчаянье прикусывает губы
И вновь сползает в ледяную мглу.
И снова вверх. И кажется, что прорван
Сегодня ад и выпущен на свет,
И снег валит, клубится снега прорва.
Грохочет тьма. Вперед дороги нет.
Ни огонька. И темнота как тина.
Слабеет в напряжении рука.
«Назад!» — грохочет снежная лавина.
«Иди, сынок! — звучит издалека. —
Я голову дыханьем отогрею,
Я поцелуем лед сниму с бровей,
К груди своей прижму тебя. Скорее,
Смелее поднимайся, не робей!
Не бойся только. Сердце мое рядом,
С тобой сейчас. И, видишь, впереди
Твоя дорога материнским взглядом
Освещена над пропастью. Иди!»
Азрет встает. Идет вперед. И снова
Нащупывает выступы нога.
А мать сидит и смотрит на багровый
Огонь мерцающего очага.
«Не дай, аллах, погибнуть сердцу сына,
Как я не дам погаснуть очагу».
Ревет буран. Туман клубится синий.
Качается вселенная в снегу.
Подбрасывает мать в огонь поленья,
И веселей огонь закипел.
Ползет Азрет по каменным ступеням,
По осыпи скользя, на перевал.

6

Сжимаясь, пальцы на ветру немеют,
Тяжелым снегом застилает взгляд.
Дышать труднее. Губы леденеют,
И ноги, непослушные, скользят.
Ни дерева, ни камня. Мир закован.
Куда ни ткнишь — свистящий снег и лед.
Азрет на миг позабывает, кто он.
Где он, куда сейчас идет.
«Иди назад!» — наотмашь хлещет ветер,
Пронзительною злостью обуян.
И кажется, что все пути на свете
И все дороги схоронил буран.

7

Идет Азрет у пропасти по краю
И слышит строгий голос за спиной:
«Иди! Не бойся, я с тобою. Знаю,
В какой ты путь отправился, сынок.
Иди, сынок! Не бойся. В мире вечен
Лишь только подвиг. Смерть у нас одна.
Она сама определяет встречу,
А я-то знаю, как она трудна.
Я молодым погиб в бою как воин,
За нашу землю, жизнью верный ей,
И я, сынок, сейчас тобой доволен:
Ты Человеком стал среди людей.
А если б ты остался дома, рабской
Душою струсил и не вышел в бой,
Наверно б, я в своей могиле братской
Заплакал от позора, как живой.
Тоскуя по тебе, я брал на руки
Чужих детей. Томился без конца:
Перед атакой и в предсмертной муке
Мне не хватало твоего лица.
Ты стал мужчиной, мальчик мой. И очень
Трудна твоя дорога. Продержись
Еще немного. Сделай все, что можешь,
Но сохрани свою сегодня жизнь.
Иначе мать от горьких слез ослепнет
И навсегда останется одна,
С туманным взглядом холоднее пепла

И сединой белее полотна.
Она меня оплакивала долго
И так же будет плакать о тебе.
Будь тверд, мой мальчик. Нету выше долга
Взбираться вверх, наперекор судьбе.
Мы никогда с тобой не расставались.
Сегодня твой черед идти на бой,
Я не хочу, чтоб матери остались
Лишь наши фотографии с тобой.
Как будет плакать мать! Взбирайся кверху.
Слез было много, будут — впереди.
Без подвига все в мире, на поверку,
Засохнет, словно дерево. Иди!
Смелей, сынок! Не отступай ни шагу,
Храбрый только чувствует на вкус
Прекрасную высокую отвагу.
Гнилой крапивой умирает трус.
У храброго одна дорога — кверху,
У храброго — к бессмертию ключи.
Он умирает так, как пересверки
Слепящей светом молнии в ночи.
На дне морском не спрячешься от смерти.
Везде найдет, на плечи взвалит груз.
В глаза заглянет, четкий круг очертит.
И вечной жизни не добьется трус.
Я впереди. Иди за мною следом.
Взбирайся вверх, срываясь и скользя.
Вершины часто заметает снегом,
Но отступать пред высотой нельзя.
Я вижу все. И я сегодня знаю:
Ты Человеком стал среди людей.
Я за людей погиб. Благословляю
Тебя на подвиг и на жизнь. Смелей!
В глаза тебя целую, открывая
Твои глаза, отогревая лед.
Горжусь тобой, но рана штыковая
Мне это громко крикнуть не дает».
Азрет встает. Его не сокрушила
Ни ночь, ни вьюга. Храбростью храним,
Он лезет вверх. Бураном бьет вершина.
И весь аул взбирается за ним.

8

Обрывы слева и обвалы справа.
Седые глыбы ледяной брони.
Буря — на седловине перевала.
По сторонам — аульские огни.
На перевале — ураганом косит.
Вслепую, спотыкаясь, наугад
Идет Азрет, как в штыковой, проносит
Живую душу через этот ад.
Без боя здесь не сделаешь ни шагу.
Но сердце устремляется вперед.
Не эта ли решимость и отвага
Нас по дорогам космоса ведет?!
И ночь в пути, как двадцать лет в дороге,—
Так измотал Азрета перевал.
Азрет добрался и на том пороге,
Где смерть стояла, задыхаясь, встал.
Здесь буря не рвалась и не кололась.
И в тихом ветре он услышать смог:
«Спасибо, милый!..» — материнский голос.
И вздох отца: «Ты молодец, сынок!..»

9

Был первый крик спасенной жизни громок.
И солнце засияло впереди.
И словно улыбнулся тут ребенок,
И мать прижала первенца к груди.
Чабан Адильгери рождению сына
Был, словно жизни обновленной, рад.
И у врача прощения просила
За все тревоги молча Фатимат.
Азрет стоял, смежив устало веки,
Не ожидая никаких похвал.
Он Человеком был. И Человека
Высокий долг повел на перевал.
В честь сердца человеческого Азрета
И мальчика Азретом нарекли,
Чтоб людям нес запас добра и света,
Достойного своей родной земли.
Живи, Азрет! И помни об Азрете.
Как он, не боясь холода и тьмы,
Через пропасти, опасности, сквозь ветер
Иди — и будь счастливее, чем мы.
Две жизни ликовали. Жизни ради
Не зря Азрет собою рисковал.
...Смерть повернулась за порогом, сзади,

И медленно ушла на перевал.

10

К полудню распогодилось. И взору
Открылся мир сверкавших солнцем гор.
И радость сердца поднималась в гору,
В блистающий заснеженный простор.
Был счастлив мир. И было столько света,
Голубизны чистойшей чистоты.
Как будто праздник, запоздавший где-то,
В аулы опускался с высоты.
Новорожденный улыбался свету.
От Фатимат струился тихий свет.
Опасность миновала. Смерти нету.
В обратный путь отправился Азрет.
Он поднялся к вершине перевала.
Снег под ногой подался, застонал,
Лавина по камням загрохотала.
И кинулась, и начался обвал.
Он в сторону метнулся от удара.
Лавина повернула напролом.
И он упал, как падает чинара,
Под корень срубленная топором.
Захлебываясь отзвуками гула,
Срывая камни, прыгая, скользя.
Его лавина в пропасть потянула,
Вцепилась в ноги. Вырваться нельзя.
Смерть снова встала на твоей дороге.
Догнала. Забирает. Заберет.
Азрет... Азрет... Тебя не держат ноги,
Стал очень скользким под ногами лед.
«Смерть!» — голосит летящая лавина.
«Смерть!» повторяют скалы и холмы.
Азрет... Азрет! Ты падаешь в теснину,
И больше нет ни лета, ни зимы.
Живое сердце милый мир покинет.
Над пропастью затихнет крутоверть.
И ты свое позабываешь имя.
И сердце останавливает смерть.
Но слышишь ты в последнее мгновенье,
На зыбкой грани смертного конца.
Стон тяжкий матери и сожаленье

Последнее, горчайшее, отца.
Конец всему, что мило и не мило,
Ни страха, ни печали, ни утрат.
У каждого из нас души светило
Своим путем уходит на закат.

11

Шаль черная на весь аул надета.
На улице аула — ни души.
Оплакивали женщины Азрета
И причитали в горестной тиши:
Зачем ты смерти покоришься рано?
Зачем пошел на ледяной откос?
И матери зачем нанес ты рану?
Зачем ты горе матери принес?
Зачем в дому последние подпорки
Ты гибелью своею подрубил? —
Мать слушала, потом сказала горько:
Он правильно, мой мальчик, поступил.
И, как бы в одобрение, снаружи,
Сквозь причитаний горестную тишь,
Израненной душою голос мужа
Услышала: «Ты верно говоришь.
Я плачу рядом. Боль невыносима.
От слез и боли светлый день ослеп.
Меня оплакав, провожаешь сына,
Единственного. Горек вдовый хлеб.
Прости меня, как должно и как нужно,
Жена моя, за снег твоих седин.
Платить за жизнь ценою малодушья
Я не умел. Оно — не для мужчин.
Как волосы твои сегодня седы...
Дай голову. Прижмись к груди, жена!
Мы поровну с тобой делили беды.
Теперь же будешь бедовать одна.
Не превращал я равнодушие в бога,
Как жалкий трус, оставшийся в живых.
Наш сын погиб. Он шел моей дорогой
И жизнь свою отдал за жизнь других.
А трус живет. Живот растит во благе,
Для ближних не теряя волоска.
Он променял сладчайший вкус отваги
На жирный запах жирного куска.
Трус — в жизни мертв. Мы — в смерти воскресаем.
Честь человека подвигом храним.
Для трусов жизнь закрыта караваем,

И хлеб отваги недоступен им».

12

Мать чуткою душою услышала
Сквозь голос слез, затерянный в снегу,
Сыновий голос: «Мама, с перевала
Я не вернусь к родному очагу.
Мне не подняться больше, не добраться.
Не дотянуться через лед и снег,
К твоей щеке щекою не прижаться.
Не улыбнуться солнышку во сне.
Прости меня! Я не искал погибель.
Я очень виноват перед тобой,
Что слишком поздно смерть свою увидел.
У смерти не отпросишься домой.
Прости меня! Но в той дороге поздней
Я радость принести тебе хотел.
Горят дрова и не дают замерзнуть
Зимою людям, — так и я горел.
Судьба людей мою судьбу просила
Через буран идти на перевал.
Чтоб тяжесть равнодушья не давила,
Я сам на плечи тяжесть смерти взял.
Ритм чистый моего сердцебиенья
Тяжелый снег остановил навек,
Как снег нагорный, чистые стремленья
Моей души засыпал горный снег.
Прости меня! Мне оправдаться нечем.
У радости и горя свой союз.
Груз смерти я взвалил себе на плечи.
И на вершину поднял этот груз».

Перевел М. Дудин

